

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.17>

Коноплева Анна Алексеевна, Веремьев Алексей Сергеевич, Чобитько Сергей Петрович

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Проведенный анализ подходов к явлению гибридных войн свидетельствует о том, что применяемые сегодня технологии оказывают воздействие на мировоззрение граждан. Это выводит гибридные конфликты на иной уровень, заставляя говорить о применении новых технологий, ориентированных, прежде всего, на социокультурную сферу. В статье выдвигается гипотеза о том, что гибридные войны имеют три вектора социокультурного влияния, воздействуя на культурную идентичность, чувство патриотизма и сопричастности судьбе государства, а также духовные и материальные ценности народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/7/17.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(93) С. 86-89. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

“HUMAN CAPITAL” AND ANTHROPOLOGICAL CRISIS EMERGENCE FROM COGNITIVE CAPITALISM PERSPECTIVE

Karpovich Pavel Eduardovich

Saratov State University

lksm.saratov@gmail.com

The article deals with the problem of anthropological crisis in the perspective of the theory of cognitive capitalism, which establishes direct relationship between the activation of crisis phenomena and the perception of the individual as a bearer of “human capital”. Capitalization of a person is the next stage of his/her economic and social alienation, since the personality is reduced exclusively to a set of economically profitable and demanded skills and abilities. Diagnosis of anthropological crisis should be complemented by taking into account the specificity of digital reality and its influence on the structure of the society and the trajectory of social interactions.

Key words and phrases: cognitive capitalism; human capital; digital inequality; alienation; personality; neo-feudalism.

УДК 130.2:327:39

Дата поступления рукописи: 26.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-7.17>

Проведенный анализ подходов к явлению гибридных войн свидетельствует о том, что применяемые сегодня технологии оказывают воздействие на мировоззрение граждан. Это выводит гибридные конфликты на иной уровень, заставляя говорить о применении новых технологий, ориентированных, прежде всего, на социокультурную сферу. В статье выдвигается гипотеза о том, что гибридные войны имеют три вектора социокультурного влияния, воздействуя на культурную идентичность, чувство патриотизма и сопричастности судьбе государства, а также духовные и материальные ценности народа.

Ключевые слова и фразы: гибридная война; социокультурные векторы; культурная идентичность; патриотизм; ценности; всекрымский референдум.

Коноплева Анна Алексеевна, к. филос. н.

Веремьев Алексей Сергеевич

Чобитько Сергей Петрович

Крымский филиал Краснодарского университета

Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Симферополь

konoplyova.artcrimea@gmail.com; veremyev@gmail.com; 4obitko@mail.ru

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА КАК СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Очевидно, что развитие военных действий, свидетелями которых мы являемся, уже давно не связано с серьезными прорывами в области науки и техники. Эти факторы выступают, скорее, как сопутствующие. Основой же превосходства на поле сражений становится умение стратегически мыслить, а также использовать нестандартные техники ведения боя, отталкиваясь не только от уровня вооружения и боеспособности, но и исходя из особенностей культуры и даже в некотором смысле менталитета участников конфликта.

Об актуальности темы гибридных войн свидетельствуют результаты опроса, проводимого в 2017 году. На вопрос о том, что представляет наибольшую опасность для Российской Федерации, 24,2% правоохранителей Республики Крым (а это второй по численности результат после ответа, касающегося поддержки отдельными государствами международного терроризма) выделили «гибридный» терроризм [2, с. 89]. Данный показатель свидетельствует о реальности гибридной угрозы и необходимости признания ее научным сообществом в качестве феномена современной цивилизации.

В контексте современных научных исследований тема гибридных войн является относительно новой. В масштабе российской науки она фактически не затрагивалась и сегодня имеет дискуссионное значение, потому в сравнении с западными разработками Россия значительно проигрывает. В кругах отечественных исследователей гибридная война нередко воспринимается как фикция, популистское понятие, не несущее в себе глубокого смысла и повторяющее уже известную практику. Ее социокультурная составляющая очерчена несколько абстрактно и в контексте зарубежных исследований, в которых затрагиваются преимущественно тактические, а не идеологические аспекты [11; 12]. Распространенный сегодня подход не учитывает, что гибридная война, основываясь на актуальных ценностях, является отражением особенностей цивилизационного развития и несет в себе угрозу национальной безопасности, воздействуя на сознание граждан.

Исходя из описанных особенностей гибридных конфликтов, целью статьи является рассмотрение социокультурных оснований гибридных войн, а также механизмов реализации гибридных конфликтов, оказывающих воздействие на мировоззрение граждан. Новизна исследования состоит в определении и анализе векторов гибридных войн, направленных на социокультурную сферу.

Очевидно, что, с точки зрения тактики ведения боя, гибридная война не приносит ничего нового: методы и набор средств, избираемые для военных действий, соответствуют, скорее, культурным особенностям актора. К примеру, приемом ведения гибридных военных действий, характеризующим тактику США, уже длительный период остается организация так называемых «цветных революций». В этой связи изучение гибридных войн специалистами военного дела и историками не достигает поставленной цели, а развивающиеся в наши дни события скорее напоминают компилированный опыт прошлых лет. И мы не можем с этим не согласиться. В. Домнин рассматривает гибридную войну как этап в развитии давнего противостояния «западного и российского мира. После победы во II Мировой войне, наступила эпоха холодной войны, потом – информационная война, которую сменила гибридная война» [3, с. 12]. Это отчасти и объясняет расширение спектра применяемых методов. Технологии ведения войны на чужой территории, разжигания конфликтов экстремистского характера, активное использование интернет-ресурсов для инициирования вражды действительно использовались ранее, но не имели синтетического единства.

Сложность и многомерность понятия «гибридных войн» отмечают исследователи Г. Ю. Филимонов и Н. С. Данюк. Этот феномен интегрирует «сразу несколько увязанных в единый замысел направлений борьбы: военное, информационное, экономическое, политическое, социокультурное» [9, с. 18]. Действительно, интегративный характер войны как таковой отмечают большинство источников. Поэтому логично предположить, что изучение обозначенной темы следует проводить, опираясь прежде всего на социокультурный аспект. Такой прием обеспечит подготовку аналитической базы, способной объяснить содержание целей войны, а также основания выбираемых средств.

«Большая советская энциклопедия» четко разграничивала «войны справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные» [1, с. 282], что определялось той ролью, которую играла война в разрезе эффективности развития государства (прогрессивность). Такой марксистско-ленинский подход рассматривает справедливость войны, отталкиваясь исключительно от социалистических ценностей. Однако интересной идеей является динамичность войны: «...в ходе развития та или иная война может изменить свой характер: справедливая война может перерасти в несправедливую» [Там же, с. 283]. Эти изменения связаны с тем, что в ходе «несправедливой» войны верх одерживают интересы «киных классов или социальных групп, чем это было на первом ее этапе» [Там же]. С этой позиции все проявления гибридных войн следует оценивать, базируясь на несправедливости их последствий, потому как они зачастую сопровождаются массовой гибелью местных жителей, не иницирующих конфликт, однако цели которых якобы представляются, а также разрушением культурных ценностей.

Критерий справедливости войны сегодня скорее смещается в сторону соотношения обороны (справедливая война) и нападения (несправедливая, агрессивная война) [8, с. 87]. Такая градация для гибридных конфликтов также не представляется возможной, поскольку отсутствие открытого противостояния не дает основания для отчетливого выделения нападающей стороны.

Основная особенность современных военных противостояний воплотилась в последствиях столкновений: «...такая победа, в отличие, например, от победы в войне, является абсолютно необратимой, т.е. исторически неоспариваемой ввиду отсутствия оспаривающей стороны вследствие ее ухода с исторической арене» [7, с. 79]. В данный перечень следует также добавить тот факт, что гибридная война, изначально имея внешнее происхождение, впоследствии реализуется от имени местного населения. Поэтому все решения воспринимаются как собственные, которые априори не могут подвергаться критике в той же мере, что и чужие.

В философско-культурологическом аспекте, опираясь на деятельностный подход, проявляемую в войне гибридность рассматривают В. М. Золотухин и Г. Е. Логинова. По мнению исследователей, неоднородность современного мира исключает возможность ведения негибридных войн. Ввиду осознанности и целесообразности деятельности как таковой, исследователи обращают внимание на «обязательно предшествующий ее [ей] ментальный прообраз – идеальный план действий» [4, с. 103] (это дословное цитирование. – А. К., А. В., С. Ч.).

Опираясь на идеи современных российских исследователей, можно констатировать, что причиной использования «гибридных» методов ведения боя является стремление воздействовать на мировоззрение противника, посредством применения тактики «манипулирования сознанием», воздействия на ментальность [4]. При этом так называемый агрессор преследует следующие цели: изменение мировоззрения населения противника; подрыв авторитета правящей власти; распространение чувства разочарования в своем народе, его традициях, укладе, истории.

Исследователи В. М. Золотухин и Г. Е. Логинова говорят о том, что «в определенном смысле, это (гибридная война. – А. К., А. В., С. Ч.) именно культурная война или война культур» [Там же, с. 102]. В пример авторы приводят военные действия, разворачивающиеся на Ближнем Востоке и связанные с деятельностью запрещенной в Российской Федерации террористической организации «Исламское Государство». В самом деле, действия, связанные с разрушением памятников мировой истории и культуры, публичные казни лиц, не разделяющих убеждений представителей «Исламского Государства», идеализация насилия и возведение силы в культ как символа принадлежности к конкретной культурной и религиозной системе, можно трактовать как войну культур. Однако вопросы прагматичного толка (к примеру, добыча и продажа нефти в регионе, мировые экономические и геополитические противоречия) наталкивают на мысль о неоднозначности трактовки происходящих действий. Более того, изначально преследуемая цель, связанная с построением Исламского Халифата, сегодня уже не выглядит убедительно. Поэтому вера обывателей в то, что целенаправленно организовывается «война культур», на данном этапе скорее является одним из методов воздействия на общество.

Значительно расширяет понятие гибридной войны С. А. Буткевич, отмечая ее непосредственную связь с «гибридным» терроризмом. По версии ученого, России на сегодняшний день угрожает целый спектр проявлений гибридной войны, ряд из которых направлен на разрушение российского общества и культуры. Например, «информационная война, пропаганда русофобии, дискредитация русского мира в целом, скрытая деятельность иностранных псевдодуманистических организаций, разрушающих патриотические чувства граждан, снижение уровня духовности населения посредством культивирования чуждых ценностей и идей, поддержка модусов неофашизма и ультранационализма в странах Восточной Европы и Прибалтики» [2, с. 90].

Сформулированный С. А. Буткевичем [2] перечень механизмов реализации гибридных конфликтов, без сомнений, оказывает эффективное воздействие на мировоззрение граждан. В целом к социокультурным векторам гибридных войн можно отнести: культурную идентичность, чувство патриотизма и сопричастности судьбе государства, а также духовные и материальные ценности народа. Рассмотрим их более подробно.

Целью гибридных войн является минимизация рисков и угроз, возникающих как результат участия в непосредственных операциях и вооруженных столкновениях, а также попытка сохранения доминирования с помощью непрямого воздействия. В социокультурном плане предпринимаемые меры выливаются в «изменение культурной принадлежности и национальной идентификации [ее] народа» [7, с. 79]. Этот ряд можно дополнить разжиганием ненависти к своему народу или этносу, неуголному для государства – инициатора войны.

Гибридная война имеет вектор, направленный не извне, а изнутри, воздействуя, с одной стороны, на материальные блага цивилизации, а с другой – осуществляя захват духовной сферы. Это говорит об очевидном стремлении разрушить прежнюю систему ценностей. «Результатом культурного столкновения становятся, очевидно, подмена и частичное разрушение основ общественной жизни и ценностных ориентаций, что позволяет интервенту наиболее надежным образом закрепить свое геополитическое влияние» [6, с. 264].

Примечательно, что наряду с открытыми притязаниями относительно политической, социальной, экономической и культурной обстановок в государстве агрессор не выдвигает конкретные предложения по оптимизации данных сфер. Действия радикально настроенных граждан скорее подкрепляются лозунгами, не имеющими под собой строгой стратегии дальнейших действий. Это дезориентирует личность, заставляет ее сомневаться в истинности привычных ценностей и забываемости авторитетов. Пример этому – гибридная война Запада против России, развернувшаяся на территории Украины. Распространение идеи героизации активистов Украинской повстанческой армии и прочих профашистских персон направлено против российской истории. Это расшатывает внутренние устои и препятствует формированию культурной идентичности (такие характеристики были свойственны государственным переворотам в Ливии, на Украине, попыткам смены власти в Турции, Сирии и др.).

Проблема определения ценностных ориентиров влечет за собой сложности в формировании патриотических чувств и принципов. Опасность гибридной войны в ее лишь на первый взгляд хаотичном характере. На самом деле, это целенаправленное, системное явление. В истории известны случаи, когда государство находилось на грани своего поражения и разрушения. Выстоять и даже одержать победу удавалось, укрепляя национальное самосознание граждан и их боевой дух. На сегодняшний день гибридная война выбирает их в качестве главной мишени, поскольку и экономическое, и политическое воздействие может быть минимизировано с помощью ответных мер, что же касается самосознания, то его укрепление требует целого комплекса длительных и целенаправленных мероприятий [5].

Нередко в ведении гибридной войны обвиняют и Российскую Федерацию в контексте участия в военных действиях на Юго-Востоке Украины, а также в связи с присоединением полуострова Крым. Если поддержка населения Донецкой и Луганской областей направлена на защиту русскоязычного населения Украины от подрывной политики Запада, то вопрос с Крымом, на наш взгляд, следует проанализировать несколько в другом контексте.

В случае со всекрымским референдумом 2014 года отсутствуют социокультурные признаки гибридной войны. Во-первых, идея русской идентичности на полуострове была актуальна, начиная с самого момента политического решения Н. С. Хрущева, и обоснована историческими предпосылками. В этой ситуации отсутствует новая идеологическая составляющая, так как в основе идентичности большинства крымчан лежала идея единства с русской культурой. Во-вторых, глава Республики Крым С. В. Аксенов высказывал идеи союза и родства Крыма с Россией еще будучи председателем партии «Русское единство» и ориентировал жителей полуострова на сохранение традиционных ценностей, а переходный период протекал без дискредитации местной украинской власти. Подтверждением этому служит тот факт, что большинство представителей прошлой политической элиты, члены гражданского общества, до сих пор принимаются и поддерживаются населением. В-третьих, сам процесс присоединения воспринимался как раз с позиции проявления патриотических чувств и гражданского самосознания (на референдуме была зафиксирована явка более 90% жителей полуострова).

Однако возвращение Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации стало еще одним поводом для ведения гибридной войны против России, которая вылилась в комплекс санкционных мер, дискредитацию спортивных достижений, обесславливание российских деятелей культуры, необоснованные обвинения Российской Федерации в причинении вреда своим же гражданам (так называемое, «Дело Скрипаля») и т.д. Иными словами, инициировались ситуации, в которых принадлежность к России должна вызывать стыд, отторжение патриотических чувств, желание дистанцироваться от государства и его культуры.

В. Н. Домнин воспринимает гибридную войну как войну брендов, созданных западной и восточной цивилизацией. В нашей интерпретации понятие бренда несколько выходит за рамки исключительно экономического контекста, основываясь скорее на прочной социокультурной составляющей и формируя соответствующую идеологию. Наибольшую сложность вызывает формирование единого общероссийского бренда, с одной стороны, впитавшего особенности русской идентичности, а с другой – близкого и другим народам многонациональной России. «Смыслы, заложенные в метабренде... наполнены глубочайшей многовековой мудростью. Российские бренды, объединенные общей идеологией и айденстикой, станут послами доброй воли России по всему миру, носителями русской культуры и проводниками русской идеи» [3, с. 14]. Формулирование единой идеи, способной выразить социокультурные особенности, сформировать желаемый авторитет на международной арене, а также создать позитивный имидж для своих граждан и мирового сообщества – хотя и по своей длительности затратный процесс, однако также является и оптимальным способом устойчивости в условиях разжигания гибридных войн.

Выходит, что выжить, а тем более победить в суровых условиях международного хаоса, созданного гибридными технологиями, используя исключительно прозрачные действия и консервативные методы ведения «боя», невозможно. Однако и применение аналогичных ответных действий также будет безрезультативным, следует дать достойный ответ на социокультурные вызовы. Таким образом, в гибридной войне, в которой действия противника фактически невозможно предсказать или предупредить, главенствующее значение должны приобрести: контроль над уровнем сформированности национальной идентичности, развитие чувства ответственности личности за судьбу своей Родины, а также формирование устоявшейся системы ценностей.

Список источников

1. **Большая советская энциклопедия:** в 30-ти т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 5. Вешин – Газли. 640 с.
2. **Буткевич С. А.** Инновации в системе предупреждения терроризма и экстремизма глазами крымских правоохранителей (по результатам социологического опроса) // Общество и право. 2017. № 4 (62). С. 87-92.
3. **Домнин В. Н.** Брендинг – обоюдно оружие современной гибридной войны // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы III всероссийской научно-практической конференции с международным участием (1-3 марта 2017 г.) / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та, 2017. С. 11-14.
4. **Золотухин В. М., Логинова Г. Е.** К вопросу о природе и сущности гибридной войны в современном мире: философско-культурологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 41. Ч. 1. С. 99-104.
5. **Коноплева А. А.** Кризис культурной идентичности человека как последствие современных политических и правовых трансформаций // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар, 2017. С. 592-595.
6. **Кочетов В. В.** Культурное измерение гибридных войн // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 263-267.
7. **Низовцева Н. Ф., Гришанин Н. В.** Гибридная война как геополитический тренд // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7. № 3 (25). С. 76-85.
8. **Словарь философских терминов** / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2004. 731 с.
9. **Филимонов Г. Ю., Данюк Н. С.** «Гибридная война»: интерпретации и реальность // Свободная мысль. 2017. № 3 (1663). С. 17-24.
10. **Чудина-Шмидт Н. В.** Экстремальность – катализатор изменения культуры // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2017. № 5. С. 62-65.
11. **Glenn R. W.** Thoughts on “Hybrid” Conflict [Электронный ресурс] // Small Wars Journal. 2009. March 02. URL: <http://smallwarsjournal.com/jrn/art/thoughts-on-hybrid-conflict> (дата обращения: 05.07.2018).
12. **Hoffman F. G.** Conflict in the 21st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.

HYBRID WAR AS A MODERN SOCIOCULTURAL PHENOMENON

Konopleva Anna Alekseevna, Ph. D. in Philosophy

Verem'ev Aleksei Sergeevich

Chobit'ko Sergei Petrovich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Branch) in Crimea

konoplyova.artcrimea@gmail.com; veremyev@gmail.com; 4obitko@mail.ru

The analysis of approaches to the phenomenon of hybrid wars shows that the technologies used today have an impact on citizens' worldview. This brings hybrid conflicts to a different level, forcing us to talk about the use of new technologies oriented primarily to the socio-cultural sphere. The article puts forward the hypothesis that hybrid wars have three vectors of socio-cultural influence, affecting cultural identity, sense of patriotism and involvement with the fate of the state, as well as spiritual and material values of the people.

Key words and phrases: hybrid war; sociocultural vectors; cultural identity; patriotism; values; all-Crimean referendum.